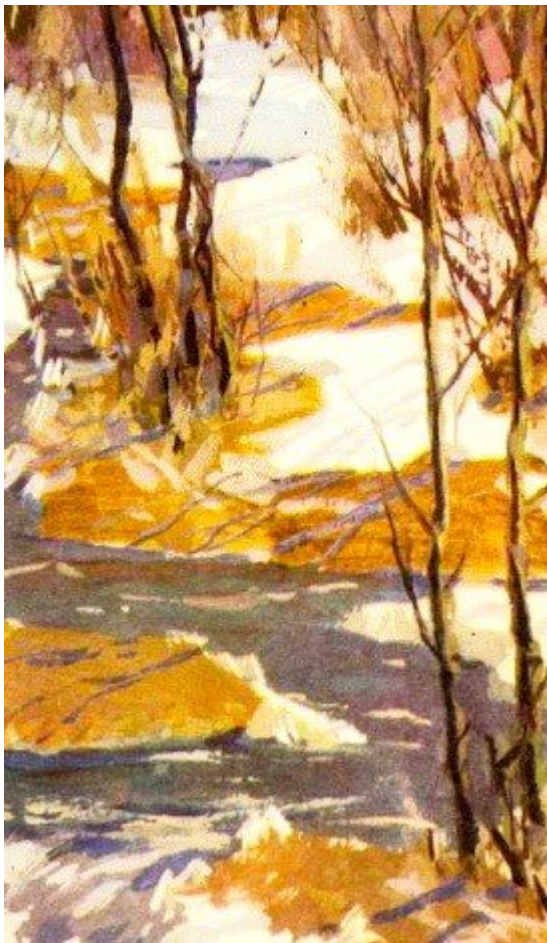

Самый упрямый – Скребицкий Г. Рассказ про упрямого ежика.

История эта произошла в середине апреля, когда весна приходит в лес окончательно. Проснулся после зимней спячки ежик, стал по лесу ходить, со зверями разговаривать. Они ему про какую-то зиму, про снег и метели говорят, да только не верит в это упрямый еж.

Это случилось в середине апреля. Рано утром проснулось солнышко, отдёрнуло лёгкую кисею облаков и взглянуло на землю. А там за ночь зима да мороз свои порядки понавели: свежим снегом равнины, холмы укрыли, а в лесу на сучьях деревьев развесили гирляндами ледяные сосульки.

Ребятишки последнему снегу радуются, смеются, шалют, в снежки играют.

Поглядело солнышко на эти проказы зимы и говорит: «Ну, погоди, теперь-то с тобой я живо управлюсь!» Да как начало землю пригревать, сразу и снег и лёд растопило.

Вот в лесу по ложбинке побежал весёлый говорливый ручеёк, побежал и запел свою звонкую песенку:

Я лежал в лесу и в поле
Белоснежной пеленой.
Не сидится детям в школе,
Прибегут играть со мной.
Я в мороз висел сосулькой.
Был колючий, как кинжал,
А теперь запел, забулькал,
По ложбинкам побежал.

Вдруг на своём пути ручеёк заметил под корнями старой берёзы глубокую норку. «Дай-ка я загляну в неё», – решил ручеёк и тихонько зажурчал, пробираясь между корнями.

А в глубине этой норки сладко спал, свернувшись в клубок, сердитый колючий ёжик. Он ещё с осени разыскал это укромное местечко между корнями, натаскал туда моху, опавших листьев, закутался в них да и заснул на всю зиму.

Он бы, наверное, ещё поспал недельку-другую, да только не удалось: холодный ручеёк забрался в его тёплую сухую постель, сразу разбудил ежа.

– Это ещё что за безобразие, кто меня будит, поспать не даёт?!
– сердито заворчал ёж.

Но ручеёк его вовсе не испугался, ведь ёжик никак не мог уколоть его острыми колючками. Поэтому ручеёк так же весело продолжал петь озорную песенку:

Заглянул в лесные хатки,

В заповедный уголок.
Кто играл с зимою в прятки.
Полно прятаться, дружок.
Просыпайся поскорее,
Вылезай на вольный свет.
Солнце греет горячее,
Злой зимы растаял след.
– Ох, какой ты несносный, – продолжал ворчать ёжик. – Бр-ррр,
какой ты мокрый, холодный! – И ёж поскорее выбрался на волю из
своего зимнего убежища.

А в это время в лесу уже хозяйничала весна. Вместе с солнышком они прогнали на север злую зиму и убирали лес по-новому, по-весеннему. Всюду темнела влажная оттаявшая земля. А на открытых полянках, на самом припёке, даже начинала зеленеть первая молодая травка.

По кустам и деревьям распевали птицы: зяблики, дрозды, скворцы... И свежий ветерок разносил по лесу тончайшие весенние запахи. Пахло согретой землёй, набухшими древесными почками и свежей едва появившейся зеленью.

Ёжик выбрался на лесную поляну, почесал лапкой один бок, потом

другой, стряхнул с себя приставшие за зиму сухие листья и с удивлением огляделся по сторонам.

– Ничего не пойму, – проворчал он. – Вчера, когда я ложился спать, лес был совсем не такой; на земле лежали опавшие листья, трава была серой, засохшей. И небо совсем другим, всё в низких, дождливых тучах. А теперь – солнышко светит, птицы поют, трава зеленеет. Чудеса, да и только! Наверное, я со вчерашнего дня хорошо поспал.

– Да, ты поспал на славу! – рассмеялась, прыгнув с ближайшей сосны, весёлая белка.

Но ёж и её не сразу узнал: какая-то на ней была странная, будто изорванная одежда, вся в разных заплатках – то ли серая, то ли рыженькая.

– Что это ты сегодня как плохо оделась? – спросил он белку. – Всё лето была такая гладенькая, рыженькая, а теперь будто кто тебя пощипал. Уж не побывала ли в зубах у лисицы или в когтях у ястреба?

– Нет, – весело отвечала белка. – Это я линяю, хочу поскорее сменить зимнюю серую шубку на летнюю рыженькую одежду. В такой

одежке ты меня раньше и видел. Она попрохладнее зимней.

– А зачем же ты в тёплую шубку переодевалась? – не понял ёж.

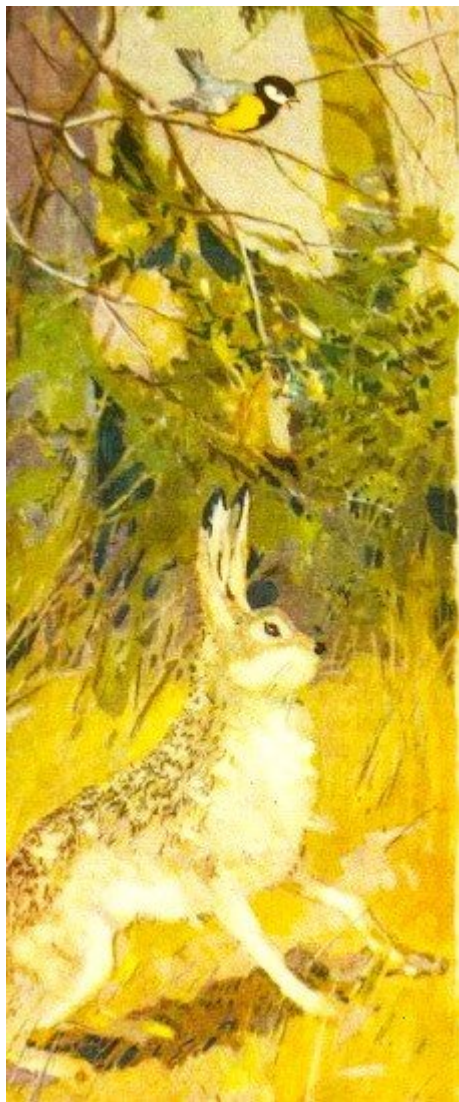
– Как зачем? – удивилась белка. – Да в летней одежке зимой замёрзнешь. Ты даже не знаешь, как зимой бывает холодно, когда начнутся морозы, метели и всю землю укроет глубокий снег. Б-рр, как тогда плохо в лесу.

– Зима, снег!.. – улыбнулся ёжик. – Ну чего ты только, врунишка, не выдумашь. Ничего подобного я не видывал. Это тебе всё, верно, приснилось.

– Ах ты глупый, – всплеснула лапками белка. – Вы только, друзья, послушайте, что он говорит: зима мне приснилась! Да она не мне, а тебе, лентяю, присниться могла. Ты же с осени до самой весны в норе проспал.

– А ты разве никогда не спишь? – хитро улыбнулся ёжик. – А помнишь, как ты на солнышке пригрелась, уснула да чуть было ястребу на обед не попалась. Я бы тоже мог тогда рассказать, что пока ты спала, зима приходила и снегом землю укрывала. Мало ли, что я бы смог сочинить. Только я таких глупостей никогда не делаю, потому что я умней и солидней вас всех и врать не люблю. – И ёжик, чтобы придать себе ещё больше важности, запыхтел и захрюкал, как поросёнок.

– Ну и чудак, – не унималась белка. – Ты умней всех, а меня и слушать не хочешь. Хорошо же, сейчас я зайца сюда позову, может, он тебя пристыдит.

Белка вскочила на соседнюю сосенку, огляделась кругом и закричала:

– Зайка, зайка, беги скорей, послушай, что тут глупый ёжик рассказывает.

Заяц в два прыжка прискакал на лесную поляну. Присел, насторожил уши. «Ну, в чём тут дело?»

Поглядел на него ёжик и даже рассмеялся. У зайца на боках, поверх бурой одежды, виднелись какие-то белые заплатки.

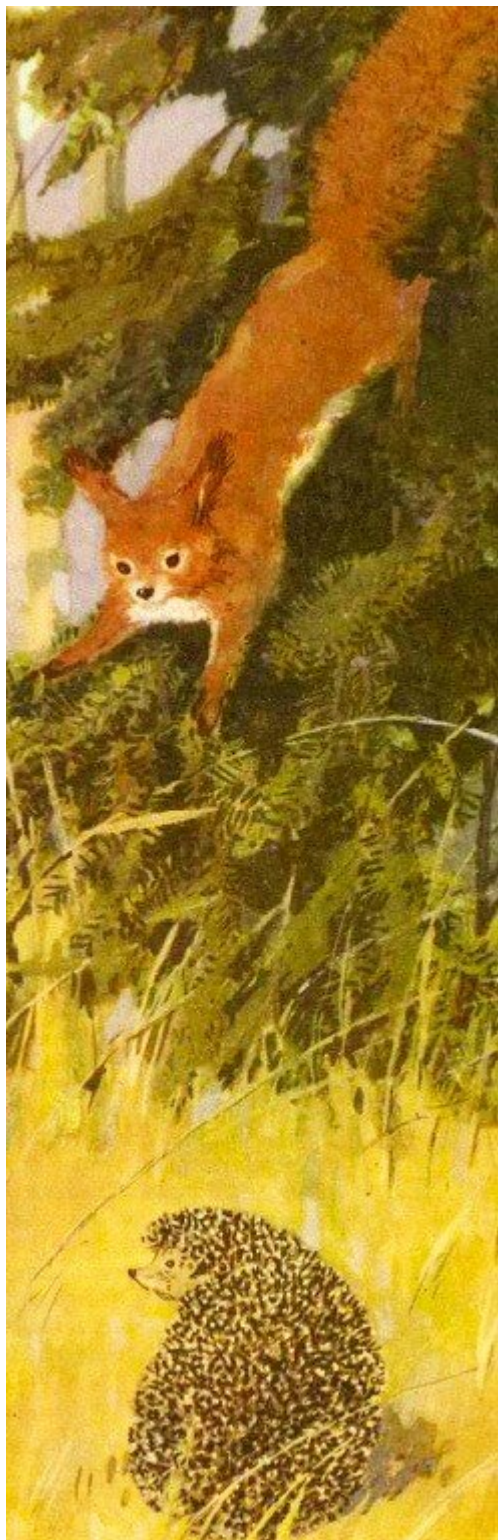
– Ну и хорош, фронт, нечего сказать! – воскликнул ёж.

– Не смейся надо мной, – слегка обиделся заяц. – Это я линяю, белую зимнюю шубку сбрасываю, в летнюю одежду переодеваюсь. Зимой белая тёплая шубка меня от мороза, от ветра спасала и от глаз врагов прятала. Улягусь, бывало, под кустиком, вот меня белого на белом снегу и незаметно.

– И он про какую-то зиму, про белый снег сказки рассказывает,

– возмутился ёжик. – Вы, верно, приятели; сговорились меня дурачить. Только меня не обманешь. Раз я, ёжик, ни зимы, ни морозов, ни снега не видал, значит, их и не бывает. Всё это сущие выдумки.

– Что ты, ёжик, что ты, – возмутилась, прыгая с ветки на ветку, непоседа-синичка. – Да как же ты говоришь, что зимы не бывает? Зима – это самое страшное время. Зимой очень холодно, голодно. Я в этом году чуть-чуть с голодухи не умерла. Спасибо деревенским ребятам: они устроили для меня столовую. Я каждый день к ним в деревню летала обедать, поклюю хлебных крошек, зёрнышек конопля и обратно в лес улетаю. Так всю зиму и прожила.

– Всё это выдумки, всё это вздор, – упрямо твердил ёжик. – Какую ты там столовую ещё придумала. Вот я ловлю себе на обед разных жучков, червячков. Наемся – и сыт, и никакая столовая мне не нужна, значит, её и не бывает.

И ёжик очень довольный тем, что он умней всех, что он так ловко отделал этих глупых лесных врунишек, не спеша потрусил по поляне поискать себе на обед жучков, червячков.

А синичка задорно запела ему вслед:

Ты самый упрямый.

Ты самый смешной,

Ты спал под корнями

Холодной зимой.

Метели не видел,

Мороза не знал.

Не будь же в обиде,

Что зиму проспал.

Но ёжик её и слушать не захотел.

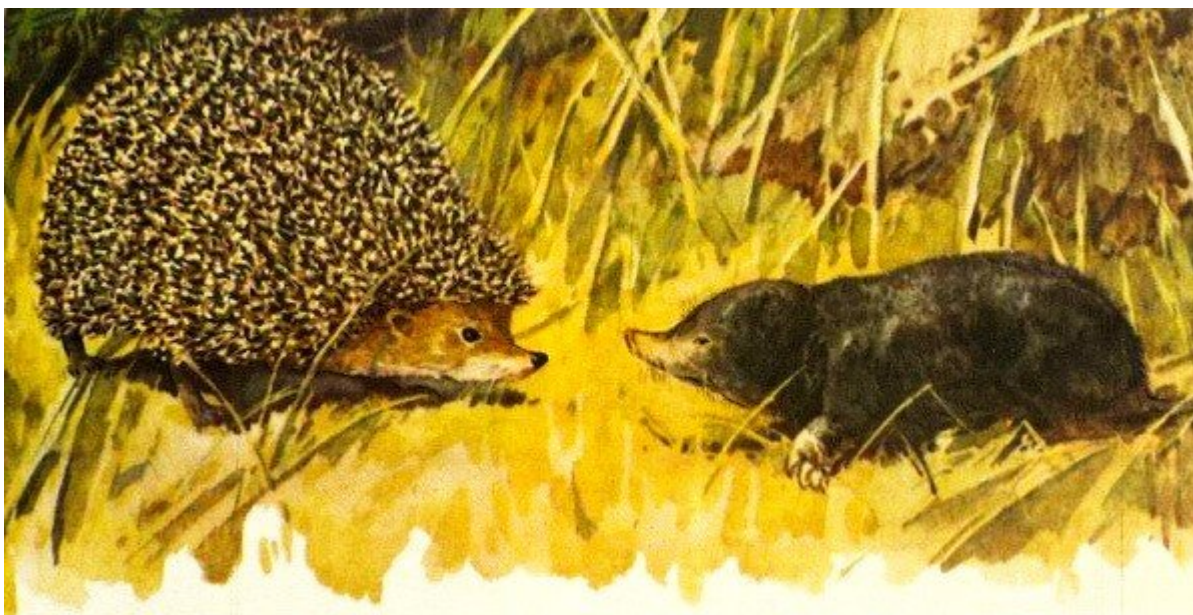
Он бежал не спеша по лесной поляне. И вдруг – что за диво?! Прямо перед ним из круглой земляной норки начала выпирать свеженарытая земля. Выпирает и тут же рассыпается, всё больше и больше. Глядь, уж над самой норкой целый земляной холм вырос.

«Кто же это так трудится, землю из глубины на поверхность выталкивает?» – заинтересовался ёжик. Он приблизился к самому холмику и окликнул:

– Эй, кто там – под землёй работает?

– Это я, зверёк-землекоп, – ответил ему голос из норки.

– А как тебя зовут? – спросил ёжик. – И зачем ты землю наружу выбрасываешь?

– Зовут меня крот, – отвечал зверёк-невидимка. – А землю

выбрасываю я затем, чтобы прочистить свои охотничьи ходы. Я день и ночь по ним под землю бегаю, охочусь на разных жучков, червячков, которые тоже в земле живут. Они заползут невзначай в мою норку, а я их поймаю и съем.

– И я червячков и жучков ловлю, – радостно ответил ёжик, – только ловлю их не в норке, а прямо среди травы.

– Вот и отлично, – одобрил крот. – Значит, мы друг другу сродни приходимся: оба охотники за жучками, за червячками.

– Верно, верно, – согласился ёжик. – Давай, приятель, поближе с тобой познакомимся. Вылезай ко мне на полянку.

– Ох, не люблю я из норы вылезать, – отвечал крот. – Ну да уж ладно, сейчас выберусь. – И он выполз из своего подземного убежища.

Ёжик стал с любопытством разглядывать своего нового знакомого.

– Какие у тебя забавные передние лапы, – удивился он, – широкие, будто лопаточки, и вывернуты в разные стороны. Как же ты на таких лапах по земле бегаешь? Наверное, сразу в траве запутаешься?

– Поэтому я и не люблю на поверхность земли выбираться, – ответил крот. – Мои лапы служат мне совсем для другого. Бегать на них по земле трудновато, зато рыть ими землю очень удобно. Ты, ёжик, ещё на рыльце моё погляди. Смотри, какое оно длинное, узенькое. Я им, словно буравчиком, в мягкую землю врываюсь, а потом её передними лапами в стороны отгребаю. Так и рою свои подземные ходы и в них днём и ночью добычу ловлю.

«Вот это настоящий охотник, настоящий, солидный зверёк, – с уважением подумал ёжик. – Это не то, что врунишки заяц и белка или непоседа синичка. Спрошу-ка его – видел ли он когда-нибудь зиму и белый снег».

– Какой-то такой белый снег? – удивился слепой крот. – У меня в норе всегда темно и кругом только одна земля. Никакого снега я и знать не знаю.

– А знаешь ли ты, что такое ледяной ветер, метель? – спрашивал ёжик.

– И об этом я слышу в первый раз, – отвечал крот. – У меня в норе никогда не бывает ни метели, ни ветра.

«Ну, наконец-то я встретил солидного, умного зверька», – вздохнул с облегчением ёжик.

– С тобой и поговорить приятно, – сказал он кроту. – Мы с тобой, братец, всё видим, всё знаем, я на земле, а ты под землёю. Нас с тобой никто не обманет.

И ёжик, простившись со своим новым знакомым, затрусил дальше по полянке. Он совсем и не слушал того, что ему свистели, трещали и пели разные птицы: синицы, щеглы, королюки. А они, сидя на ветках кустов и деревьев, распевали ежу свою задорную песенку:

Эту песенку должны мы
Спеть тебе, упрямый ёж.
Ты лентяй проспал всю зиму,
И зимы не признаёшь.
Крот слепой – плохой советчик,
Белый свет он не видал.
Но тому поверить легче.
Кто тебе не возражал.
Ох, упрямство – это горе,
До добра не доведёт,
Кто без толку вечно спорит,
В наказание слёзы льёт.

Но ёжик всех лесных обитателей, кроме своего нового друга – крота, считал либо дурачками, либо врунишками.

Ёж подбегал уже к кустам на другой стороне поляны, как вдруг из них навстречу ему не спеша, как бы нехотя, вышла плутовка Лиса Патрикеевна. Она давно караулила какую-нибудь добычу и была очень голодна.

Сидя в кустах, лиса отлично слышала, как ёжик спорил с белкой, с зайцем, с синицей. Плутовка слушала да подсмеивалась над глупым ежом. «Ну, попадись мне только этот упрямец, я ему такой „снежок“ покажу, что сразу глазки зажмурит!»

Увидя подбегающего к кустам ежа, лиса скорёхонько вышла к нему навстречу.

– Добрый вечер, дружок, – ласково сказала она. – Куда спешишь, зачем торопишься, разве не знаешь пословицы:

«Поспешишь, зверей насмешишь».

– Ничего и знать не хочу, – заворчал ёжик, сворачиваясь в колючий клубок. – Уходи от меня, лиса, а то весь нос исколю.

– Ох, какой ты сердитый! – таким же певучим ласковым голосом протянула лисица. – Да ты, дружок, не бойся меня, я тебя не съем, я сегодня сытая-пресытая.

Она села возле ежа и продолжала:

– Лежала я вот тут, под кустиком, дремала после обеда да слушала болтовню глупых птиц и зверей, как они тебя одурачить хотели, про какую-то зиму, про белый снег рассказывали. – Лиса на минуту примолкла, вздохнула и продолжала сладким голосом: – Здорово ты им, дружок, отвечал, всех переспорил, вот уж умница, вот молодец!

Ёж был очень доволен похвалой лисицы. Он даже перестал сердито пыхтеть, но разворачиваться всё же побаивался.

А лисица, передохнув минутку, опять продолжала:

– Переспорить-то их ты переспорил, а всё-таки не доказал, что они всё врут и над тобой подсмеиваются.

– А как же им ещё доказать? – спросил ёж.

– Очень просто, – отвечала лиса. – Они тебе что говорили? Когда зима наступает? Когда белый снег на землю ложится? Тогда, когда ты уснёшь. А почему, говорят они, ты, дружок, ни зимы, ни снега, не видел? Потому что спишь под корнями в норе, да ещё в листья, в мох закутаешься, да ещё в клубочек свернёшься. А я вот что тебе посоветую: попробуй сейчас задремать. Да только в норку не залезай, листьями не укрывайся и в плотный клубок не сворачивайся. Ляг на спинку, вот тут на поляне, животик на солнышко выстави и усни. Если твои дружки не врут, значит, как ты только уснёшь, так зима и заявится, холодный снег тебе на животик посыплет, ты и проснёшься. А коли дружки твои всё наврали, коли зимы никакой и в помине нет, ты на солнышке выспишься, вот и всё. А я пока в лес побегу, некогда мне. Прощай, дружок! – И лиса, облизнувшись, скрылась в кустах.

– Это, пожалуй, дело Патрикеевна говорит, – решил глупый ёж. – Не буду в колючий клубок сворачиваться, лягу на спину и засну. Посмотрим, придёт ли зима, посыплет ли мне на брюшко холодный снег? Конечно, она не придёт! То-то буду я потом над всеми лесными врунишками и дурачками подсмеиваться!

Ёж развернулся, лёг на спину, подставив вечернему солнцу своё брюшко, и задремал.

Напрасно с ближайших кустов и деревьев на разные голоса ему пели, кричали, свистели птицы:

Ёж, не верь словам лисицы,

Лучше верь друзьям своим.

Дятлы, сойки и синицы,

Мы добра тебе хотим.

Ты плутовки злой не слушай,

Поплотней свернись в клубок,

А не то лисе на ужин

Попадёшь, как колобок.

Но ёжик их даже и не слышал. Он сладко заснул, растянувшись на солнышке.

А вот пришла ли к нему во сне зима или не приходила, об этом наш ёжик так никогда и не узнал. Потому не узнал, что к утру от него осталась только одна колючая шкурка.

(Илл. Куприянова С.)